

ЗАБЫТАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ РОССИИ

Славяна Бушнева

Забытая экспедиция России

«Издательские решения»

Бушнева С. Н.

Забывтая экспедиция России / С. Н. Бушнева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531101-6

Историю географических открытий и описание земель Северо-Восточных окраин России связывают лишь с экспедицией мореплавателя Витуса Беренга. Почти одновременно с ней правительствующим Сенатом была выслана ещё одна экспедиция, охватывающая большие замыслы. Так кто же открыл западный берег Америки? Россияне или наёмник Беринг, которому поставлены памятники в России? Это невежество или пренебрежение к истории своей страны? Что же Сынам Отечества, творившим Славу России — лишь забвение?

ISBN 978-5-00-531101-6

© Бушнева С. Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	7
Украденное открытие	10
Неутомимый радатель	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Забытая экспедиция России Славяна Николаевна Бушнева Николай Бушнев

© Славяна Николаевна Бушнева, 2021

© Николай Бушнев, 2021

ISBN 978-5-0053-1101-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Моему современнику,
другу, писателю-историку,
общественному деятелю
Камчатки
Сергею Ивановичу
п о с в я щ а ю... Вахрину*

Предисловие

История географических открытий и описание земель Северо-Восточных окраин России зачастую связывают лишь с самой громоздкой, самой затратной и самой продолжительной экспедицией под началом находящегося на службе в России мореплавателя Витуса Бернга. Длилась экспедиция с 1725 года по 1743 год.

Активная фаза её деятельности пришлась уже на послепетровские времена – Бироновщины. Тогда многочисленные иностранцы при дворе во главе с фаворитом императрицы Анны Иоанновны Бироном практически правили Россией. И, конечно же, все деяния иностранцев возвеличивались, а заслуги россиян просто замалчивались и не доходили до кабинета министров страны и зачастую итоги открытий либо описаний новых земель появлялись сначала за границей, а потом уже в России.

Почти одновременно с первой камчатской экспедицией Витуса Бернга правительствующим Сенатом была организована и выслана на северо-восток ещё одна экспедиция, охватывающая гораздо большие замыслы. Толчком к её созданию послужил приезд в Санкт-Петербург казачьего головы якутского полка Афанасия Фёдоровича Шестакова.

В 1725 году А. Шестаков подал в Сенат челобитную о необходимости усмирения и покорения «бывших в подданстве туземцев с островов и других мест», и представил карту с указанием на ней новых земель близ изведанных берегов северо-востока. Казачий голова обещал Сенату открыть и присоединить новые земли «ни у кого не подвластные», а также обещал и «прибытки» государевой казне от ясака, так как в тех местах соболь и «прочий зверь водятца». Заметим, что при губернаторе Сибири князе А. М. Черкасском только с Камчатки за четыре года вывезено «мягкой рухляди», по оценке того времени, на сумму 55.316 рублей, а среди тех мехов было «4 тысячи лисиц и 383 сороков соболей». Кроме того, известно, что по служилым и приказным людям расходилось мехов в несколько раз больше, чем шло на ясак.

В отличие от целей первой камчаткой экспедиции, отправленной в 1725 году, Афанасий Шестаков в Сенате чётко сформулировал основную идею поиска новых земель: привести в русское подданство тех, «кои в яшашном платеже были да изменили», а также и тех «кои еще не были». Замыслы якутского челобитчика совпали с общеполитическими устремлениями окружения Петра I. Поэтому немудрено, что ему оказывалась всяческая поддержка. Вот как выразился по этому поводу сенатский обер-секретарь И. К. Кириллов: «Видев от отправления Бернгова только одно известие: соединяется или не соединяется Америка, привезёт, а о интересе настоящем от него ожидать нечего», и конечно он искал случая «каким бы образом туда для сыскания новых земель и иных полезных дел кого возбудить».

В 1727 году последовал указ Верховного тайного совета, предписывающий Сенату организовать экспедицию во главе с А. Ф. Шестаковым, придать ему гренадёров с ракетами для устрашения иноземцев, а так же «товару на 1000 рублей для заведения торгов в новых землях». Велено было указать Бернгу, что он и Шестаков взаимно помогали друг другу. В цели экспедиции Шестакова ставилось не только обследование и приобретение новых земель в Восточном океане, но и в Студёном море «дабы достойно уведомились какие на тех островов народы живут и какой зверь там промышляется, и другие какие удовольствия имеют... чьего они владения».

В августе 1727 года экспедиция Шестакова двинулась из Петербурга. В Москве были закуплены товары, инструменты и материалы. Осенью в сибирской столице Тобольске партия казачьего головы пополнилась 400 казаками во главе с капитаном сибирского драгунского полка Дмитрием Ивановичем Павлуцким, который был назначен в «сотоварищи» Афанасию Шестакову для управления экспедицией «с общего согласия». По мере продвижения экспедиция продолжала пополняться людьми в Енисейске 83 человека, в Якутске 426 человек. Состав

отрядов получился крайне разношёрстным. Кроме казаков и рекрутов, в ней собрались мастеровые, промышленные, ссыльные разночинцы, «гулящие люди», крестьяне. Среди разнообразных предметов снаряжения имелось и оружие: «11 пушек, 700 ядер, 4 ручные мортиры и 410 гранат к ним, 150 ручных гранат, 40 ракет верховых и поземных, 400 фузей и 49 пудов пороха». Всё это еще раз подтверждает решительное стремление властей ускорить продвижение на северо-восток, расширить территориальные владения империи.

Летом 1728 года отряды экспедиции появились в Якуске. Без промедления пеше и на дощаниках по рекам уходили отряды в назначенных тракты. Кто в Охотск, кто в Анадырский острог, кто в Удскую сторону. В этом же году под началом Ивана Козыревского отряд казаков сплыл вниз по реке Лене для проводывания хода по студёному морю в Камчатку.

Уже к осени главная база экспедиции переместилась из Якутска в Охотский острог. Для морских плаваний в отряд Шестакова поступили суда, оставленные экспедицией Беринга: щитик «Фортуна» и бот «Святой архангел Гавриил». В течение двух лет в Охотске для экспедиции были построены еще 2 судна: большой бот «Восточный Гавриил» и малый бот «Лев».

В 1729 году отряд казаков под командованием Д. Павлуцкого двинулся в Анадырск, по пути приводя в подданство неясашных инородцев – юкагиров, коряков и чукчей. На щитике «Фортуна» сын казачьего головы Василий Шестаков посетил первые пять Курильских островов, взял ясак и двух заложников – амонатов. На боте «Святой Гавриил» отправился отряд для обследования устьев рек Уды и Амура. Отряд казаков во главе с самим Шестаковым на судне «Восточный Гавриил» и боте «Лев», чтобы попасть к устью реки Пенжиной, а оттуда двинуться на немирных коряков и чукчей и по их земле пройти до Анадырского острога, чтобы соединиться с Павлуцким.

Но не всё пошло благополучно: «Восточный Гавриил» растрепало штормом и отряд Шестакова высадился в Тауйском остроге. Бот «Лев» вынужден был зазимовать у устья реки Ямы. Зимой на служилых напали воинственные коряки и перебив команду, сожгли судно. В зиму 1729 – 1730 года Шестаков вышел из Тауйского острога в сухопутный поход по карякской земле. Защищая ясашных коряков от набегов чукчей, он погиб в стычке на реке Эгач. После известия о смерти «сотоварища» Дмитрий Павлуцкий решил сосредоточить оставшиеся отряды.

В 1730 году он приказывает штурману Якобу Генсу и подштурману Ивану Фёдорову доставить морским путем всех служилых из Охотска и Камчатки в Анадырский острог. Откуда наиболее близка «неведомая большая земля» против чукотского носа. Ранее же, по реке Колыме отправляется отряд капрала Крупышева, чтобы с севера, обогнув чукотский нос, соединиться со всеми в Анадырске. Но трагические события разрушили и эти замыслы. Осенью, в 30 верстах от устья «Большой реки» штормом разбило и выбросило на берег, отремонтированный в Тауйске бот «Восточный Гавриил». А в 1731 году, когда оставшийся Бот «Святой Гавриил» уже собирался выходить из устья реки Камчатки в Анадырск к Павлуцкому, на полуострове разразилось известное восстание ительменов под предводительством Фёдова Харчина. Собранные в помощь Павлуцкому служилые вынуждены остаться в Камчатке умирять восставших.

В 1732 году Павлуцкий все же настаивает на проводывании «неизвестных земель». Геодезист Михаил Гвоздев с подштурманом Иваном Фёдоровым на боте «Святой Гавриил» из устья реки Камчатки вышли в плавание. Они впервые точно определили местонахождение открытой ими части западного берега большой земли – Америки.

В том же 1732 году экспедиция Шестакова – Павлуцкого сворачивается, так как Сенат готовит уже вторую экспедицию «под общей командой», опять же Витуса Беринга, которая по своему размаху вскоре затмила и поглотила достигнутое Афанасием Шестаковым, Дмитрием Павлуцким, Михаилом Гвоздевым, Иваном Фёдоровым, Иваном Козыревским, Трифаном Крупышевым, Емельяном Басовым, Кондратием Машковым и тем самым надолго обусло-

вило их забвение. Хотя, это они своим непосильным трудом, своими жизнями проторили путь и подготовили успех второй экспедиции Витуса Беринга.

Кто же они – эти россияне делавшие историю и величие России? В последующих очерках я счел своим долгом рассказать о героях этой экспедиции более подробно, насколько позволяют собранные сведения.

Украденное открытие

*«Америка часть четверта
Новоземля взнань отперта...
Тысяцми лет бысть незнанна
Морем зело отлиянна...»
(Корион Истомин монах, нач. 18 века)*

Лишь в 1865 году вышла в свет книга, в которой иностранец Т. Кюльб о путешественниках России писал: «Русские уверились также и в том, что Америке нельзя быть далеко: могли только понять, что никто ещё не заходил на неё из множества путешественников, проезжавших в этих краях. Казак Трифон Крупышев, которому следовало со вспомогательным отрядом обогнуть мыс с моря и примкнуть к отряду Шестакова, надобно полагать, был прибит к неведомому мысу бурей. Он плыл два дня у незнакомого берега, но ничего не мог узнать от посещавших его туземцев, кроме того, что земля у них велика и покрыта лесом, и воротился на Камчатку».

Очень интересные сведения, но опять же у иностранцев есть, а в России этого донесения не сохранилось. Кто же такой Крупышев? Когда он попал к берегам Америки? Известно, что в противостоянии друг другу руководители экспедиции того времени Афанасий Шестаков и Дмитрий Павлуцкий окружили себя преданными им людьми. У казачьего головы Шестакова таковыми были матрос Леонтий Петров, монах Игнатий—Иван Козыревский, гренадёр С. Селиванов и казак Трифон Крупышев. Им Шестаков доверял важные посты и поручения в осуществлении своих замыслов. Так, простого матроса Л. Петрова он вознёс до своего непосредственного помощника, доверив ему ведать всеми припасами экспедиции. И не мудрено, что вкусивший власть матрос даже позволил себе избить старшего по чину штурмана Генса — участника той же экспедиции. В те времена это было очень «великой дерзостью».

По сохранившимся документам, перед выездом отряда А. Шестакова из Охотска в августе 1729 года Селиванов из казны выдал «нижегородцу—мореходу Н. Треске 2 троса, 22 аршина „пестряди“ тонкой и его земляку Трифону Крупышеву — 21 аршин». Мореходу Треске ткань была нужна для ремонта парусов на шитике «Фортуна» в Охотске, а для чего Крупышеву?

Оставшиеся скудные сведения от экспедиции Шестакова—Павлуцкого все же дают некоторые сведения об интересующем нас вопросе. Когда Шестаков, вышел в пеший поход из Тауйского острога, то оставил там часть служилых людей под командой Т. Крупышева и С. Селиванова «на заячьи промыслы и строения шерхбота». Кто и чем должен был заниматься в Тауйске проясняется из того, что в сентябре 1730 года штурман Генс принимает в свою команду людей у «шестаковских командиров» Л. Петрова и С. Селиванова, прибывших в Охотск из Тауйска, а Крупышева с его отрядом нет. Трифон Крупышев больше нигде не упоминается до 1732 года.

Известно, что одной из задач экспедиции Шестакова было проведывание земли, что лежит за устьем р. Колымы. Поскольку Иван Козыревский пошёл с отрядом из Лены на Студёное море, то Шестаков не мог не послать отряд из р. Колымы на поиск земель, лежащих в том море. Значит, шерхбот снаряжал Крупышев, чтобы через волок попасть в приток реки Колымы и, сплыв в Студёное море, обогнуть мыс в поисках земли и прийти в Анадырский острог — второй опорный пункт экспедиции Шестакова—Павлуцкого, то есть по пути первопроходца семена Дежнева. Если предположить, что отряд Крупышева зазимовал в 1730 году в Нижнеколымском остроге и прошёл проливом «Аниан» (ныне Дежнёва) в лето—осень 1731 года, то в это время в Анадырском остроге уже правил капитан Павлуцкий со своим отрядом. Тогда уже капитан узнал от служилого Мельникова сведения о Большой земле лежащей напротив

Анадырского носа и сообщил об этом в Иркутск. Поэтому, известие Крупышева, тем более бывшего любимца соперника А. Шестакова, никак не могло затронуть капитана Павлуцкого. Хотя мало вероятно, так как это плавание ещё раз подтверждало наличие Большой земли. А возможно и так: помня своё противостояние Павлуцкому при жизни Шестакова, Трифон Крупышев намеренно пришёл не в Анадырский острог, а на Камчатку, и его отписка о походе видимо попала в руки М. Гвоздева, возглавлявшего в то время правление Камчатки на время усмирения бунта ительменов. Не потому ли в плавании 1732 года быстро была найдена «Неизвестная» земля, на которую «противная» погода не давала высадиться экипажу судна и они дрейфовали вдаль «землицы» до последнего, рискуя жизнью на истрепанном штормами боте «Св. архангел Гавриил», пока упрямство Гвоздева не было сломлено взбунтовавшейся командой. Кроме того не дремали находящиеся на службе в России иностранцы, зачастую сборщики информации для своих государств. Так, в то время, и пропало для России это известие казака Крупышева, как и многие другие. Кстати отчеты о плавании в 1732 году к берегам «Неизвестной землицы» М. Гвоздева и И. Федорова тоже объявились лишь в 1741 году, когда уже Беринг «открыл» этот злополучный западный берег Америки. Как бы там ни было, а нам остаётся только поддержать заключение С. Маркова о Трифоне Крупышеве: «Он видел берег Аляски!» После своего похода Трифон Крупышев был в 1732—33 годах гонцом, связывающим руководителя экспедиции Дмитрия Павлуцкого находящегося в Анадырске с Гвоздевым восстанавливающим Нижнекамчатск. Интересна жалоба Крупышева, из которой проясняется быт служилых того времени. В марте 1733 года он заявил Гвоздеву, что за то время, пока ездил с рапортами и указами из Нижнекамчатска в Анадырский острог и обратно, «матроз» Петров Леонтий «жену ево, Крупышева, изнасилничал блудным грехом», присвоил медный котёл ценой в 30 красных лисиц, 2 мешка сладкой травы стоимостью в 20 лисиц и другие «оставшие от него пожитки», а «живучи у него в доме», матрос продал всех нартовых собак, «кормы рыбы издержал и во всём ево, Крупышева, раззорил».

По указу Павлуцкого в 1733 году Трифона Крупышева с женою и детьми выслали «на посад» в Олюторский острог «понеже оной острог построен вновь и населяетца людьми».

Вот так история приоткрывает имена истинных первооткрывателей «чаемой» землицы Америки, каким и был простой казак—нижегородец Трифон Крупышев, побывавший у западного берега Америки на 10 лет раньше знаменитого Витуса Беринга, и на год раньше М. Гвоздева и И. Федорова. К человеку взявшему на себя такое задание и одолевшему на примитивном суденышке этот труднейший путь в водах заполярья определение «простой казак» – не подходит. Видимо это был незаурядный человек каких выдвигало вперед суровое время тогдашней России.

Неутомимый радетель

*«Росску скипетру услуга
Трех частей земного круга
К миру и против врагов
За протоком окяна
Росска зрю американа
С азиатских берегов»
Александр Сумароков 1763г.*

Афанасий Федотович Шестаков, – голова пеших и конных казаков якутского полка, был уроженцем Сибири и родился в 1677 году. В его ведении находился полк из 1500 служилых людей, размещенных «для обережки» и сбора ясака в Колымском, Алазейском, Анадырском, Охотском, Тауйском, Уднинском, Зашиверском и Камчатских острогах. В то время звание головы давалось помощнику воеводы по финансовой части. Голова ведал сбором податей, ясака и в известной мере контролировал действия воеводы. По специальному указу сибирского губернатора из—за отдаленности Якутской провинции А.Ф.Шестакову, помимо основных обязанностей, было «велено тамошних ясашных иноземцев смотреть и беречь накрепко, чтоб им обиды и раззорения никто не чинил и смотреть над городовыми, толмачами чтоб они чинили сущую правду», то есть ведать розыскным делом и судом в делах, связанных с ясашным населением края. Если еще и учесть, что Афанасий Шестаков сносно владел семью языками инородцев Сибири, то можно сделать вывод, что он был энергичным и незаурядным человеком. Отличное знание местных условий, тонкостей организации службы русских гарнизонов позволяли Шестакову подавать челобитные с предложениями «для лутчего смотрения и управления тамошних дел и обид иноземцев» не только губернатору Сибири, но и в Сенат.

Например, доношение Шестакова на злоупотребления некоего ландрата Ракитина (советника воеводы) содержит 109 пунктов обвинения, как по поводу «обид и раззорений ясашного населения», так и других.

Особый интерес вызывает то, где казачий голова обвиняет Ракитина в выдаче из казны без договора и подряда иконописцу Ивану Новограбленному свыше 150 рублей – «за письмо святых икон». Как оказалось, иконописец передал изготовленные иконы строителю Спасского монастыря Ивану Козыревскому для Камчатки.

Когда в 1720 году из Якутска в Тобольск затребовали 100 недорослей—дворян, детей офицеров, подьячих и прочих чинов, то Шестаков послал письменный протест против вывоза молодых людей с Северо—Востока, а предлагал прислать в Якутск несколько сотен семей служилых и мореходов, открыть здесь школу обучения казачих детей и обратить их «на отыскание и покорение новых земель, на службу к коей они совершенно обычны».

Со своими идеями казачий голова в конце 1724 года попадает в столицу. Болезнь и смерть Петра I задержали исход его прошения, но настойчивость Шестакова сделала свое дело. Рассказы казачьего головы о Камчатке, Курильских островах и землях у Северо—Восточных окраин заинтересовали видных сановников: министра Рагудзинского, вице—адмирала Сиверса и других. В 1725 году Сиверс пишет любимцу Петра Александру Меншикову: «явился из Сибири казачий голова Шестаков, который мне объявил про тамошние дела многие неисправления. Того дня я рассудил оного до вашей светлости рекомендовать. Еще оный Шестаков имеет донести о состоянии тамошних земель... также о Камчатке и о Японских островах, похоже как я от него слышал, те места довольно знает и об них имеет карту особливую».

После встречи с Меншиковым Шестаков представил в Сенат свой проект экспедиции. В нем был детально разработан тактический план похода – вплоть до расчета сметы по эта-

пам экспедиции. Историк русского морского флота В.Н.Берх, характеризуя Шестакова, писал: «отличная ловкость в изъяснениях и совершенное познание описываемых им мест и предметов приобрели ему всеобщую доверенность». Изучая «особливую» карту Афанасия Шестакова, Михайло Ломоносов дал хорошую оценку познаниям казака: «Сии прекословные известия, сличив одного против другого, ясно видеть можно что положительные много сильнее отрицательных».

Карты казачьего головы вскоре исчезли. «Одну из них перерисовал и отправил в Париж известный похититель русских чертежей и записок Жозер—Николя Делиль, появившийся в Петербурге в 1726г.» – так уверяет нас писатель—историк С. Марков.

После одобрения Сенатом новой экспедиции понадобилось еще полгода на апробацию решения в высших правительственных органах, на разработку законодательных документов, на четкую формулировку мотивов, экспедиции (дальнейшее освоение новых земель и объяснения народов Северо—Востока), а также на организационные меры. Май—июль 1727 года стали месяцами самой интенсивной подготовки к походу. Помимо Сената комплектованием и снаряжением экспедиции занимались Петербургская рентерия, полицмейстерская контора и камер—коллегия.

Активность казачьего головы удивительна. За это время лишь Сенат собирался пять раз, рассматривая его доношения, и три раза камер—коллегия, а еще другие, менее важные государственные учреждения. Тщательно и придирчиво присматривался Шестаков к будущим участникам экспедиции. И, естественно, он стремился заполучить людей не только знающих, но и сильных телом и духом. Поэтому 16 июня он выразил свое недовольство отпиской в Сенат: «...которые матрозы и присланы и те тамошнего обыкновения не знающие, от которых я опасен, чтоб в пути не разбежались».

По пути до Якутска экспедиция пополнялась материалами и людьми разного сословия. Если до Тобольска Афанасий Шестаков командовал фактически единолично, то в Тобольске его партия пополнилась крупным отрядом служилых под командой капитана Павлуцкого, который назначался к Шестакову во всех делах «сотоварищем» для управления экспедицией «обще». Но как водится: двум медведям в одной берлоге не ужиться. Оба командира обладали крутым нравом и вскоре меж ними пошли разногласия. Дошло до того, что Шестаков велел объявить всему отряду не выполнять распоряжения капитана Павлуцкого. Тот ответил тем же. Кое—как командиры совместно добрались до Якутска, где разделились на два отряда, определив каждый себе сферу деятельности. Зная трудность походной жизни, Шестаков в состав экспедиции включил 94 илимских крестьянина, полагая что «в партии без таких набранных крестьянских детей быть невозможно, понеже они к службам необычайные и к приуготовлению пути: лыжи, нарты, лотки зделать умеют и всякого зверя промыслить могут и будут содержать новобранных из гулящих и из каторжных обретающихся ныне при партии в службе», число которых перевалило уже за тысячу.

Энергичные меры принял Шестаков в Якутске. Уже через полтора месяца после прибытия он сумел подготовить и отправить в разные «тракты» свыше двухсот человек. Много сил положил он, чтобы отправить отряд под командой И. Козыревского «для проведывания Ленского устья и от Северного к Восточному морю ходу». Необходимо заметить, что неукротимый монах Игнатий – Иван Козыревский был в глубокой опале у Якутского архиепископа Феофана и якутского воеводы. После похода к устью Лены Шестаков вновь взял под покровительство впавшего в нищету путешествующего монаха. В 1729 году казачий голова испросил для него разрешения на поездку в Тобольск, чтобы утрясти свои сложные взаимоотношения с церковью и властями края. Вскоре между защитником монаха Шестаковым и воеводой Полуэктовым, объединившимся с архиепископом Феофаном, началась настоящая война. В ответ на блокирование действий казачьего головы по комплектованию экспедиции Шестаков буквально засыпал Сибирскую канцелярию и Сенат челобитными и доношениями.

Летом 1729 года отряд Шестакова перебазировался в Охотск. Несмотря на тяжелейшие условия походов и плаваний, служилые люди и моряки прилежно решали значительные историко-географические обследования. К исходу 1730 года уже были подробно описаны четыре Курильских острова, устья рек Уды и Амура, часть побережья Камчатки. И, конечно, жаль, что многие документы этих изысканий утеряны, либо до сих пор не обнаружены.

После неудачного переброса своих отрядов морским путем Афанасий Шестаков возглавил сухопутный поход по Корякской земле. Вперед выслал авангардную группу с урядником Иваном Остафьевым в составе 30 коряков и трех казаков. Им предписывалось: «идучи сухим путем на реки Яму и Пенжину» уговаривать «немирных коряк ласкою и приветом». Помимо сбора ясака в походе поручалось вести наблюдения и описания: «записывать в книги по статьям именно: какие имеются реки и сколько велики, от реки до реки коликое число расстоянием..., какое довольствие рыбных и других кормов, и какие звери в промыслу бывают..., а также смотреть всяких вещей, в раковинах жемчугу, руды, камня, краски, кости мамонтовой и рыбей».

Шестаков с отрядом дожидаясь у реки Гижиги прибытия казаков из Анадырского острога. Но, не дождавшись, отправился с небольшим отрядом в путь. Перебравшись через реку Парень, он получил известие от своих разведчиков, наехавших на отряд немирных чукоц, «которые де разбивают и грабят оленных коряк». Шестаков еще три дня поджидал подкрепления и без него принял бой, в котором, пораженный стрелой, погиб. Перед сражением казачий голова послал в Тауйск последнее свое распоряжение. В нем подтверждалось выступление партии на Камчатку, а затем в Анадырский острог и к Большой земле. Особо подчеркивалось, чтобы в этот вояж взять на судно геодезиста Гвоздева и «всякое к нему чинить благоволение».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.